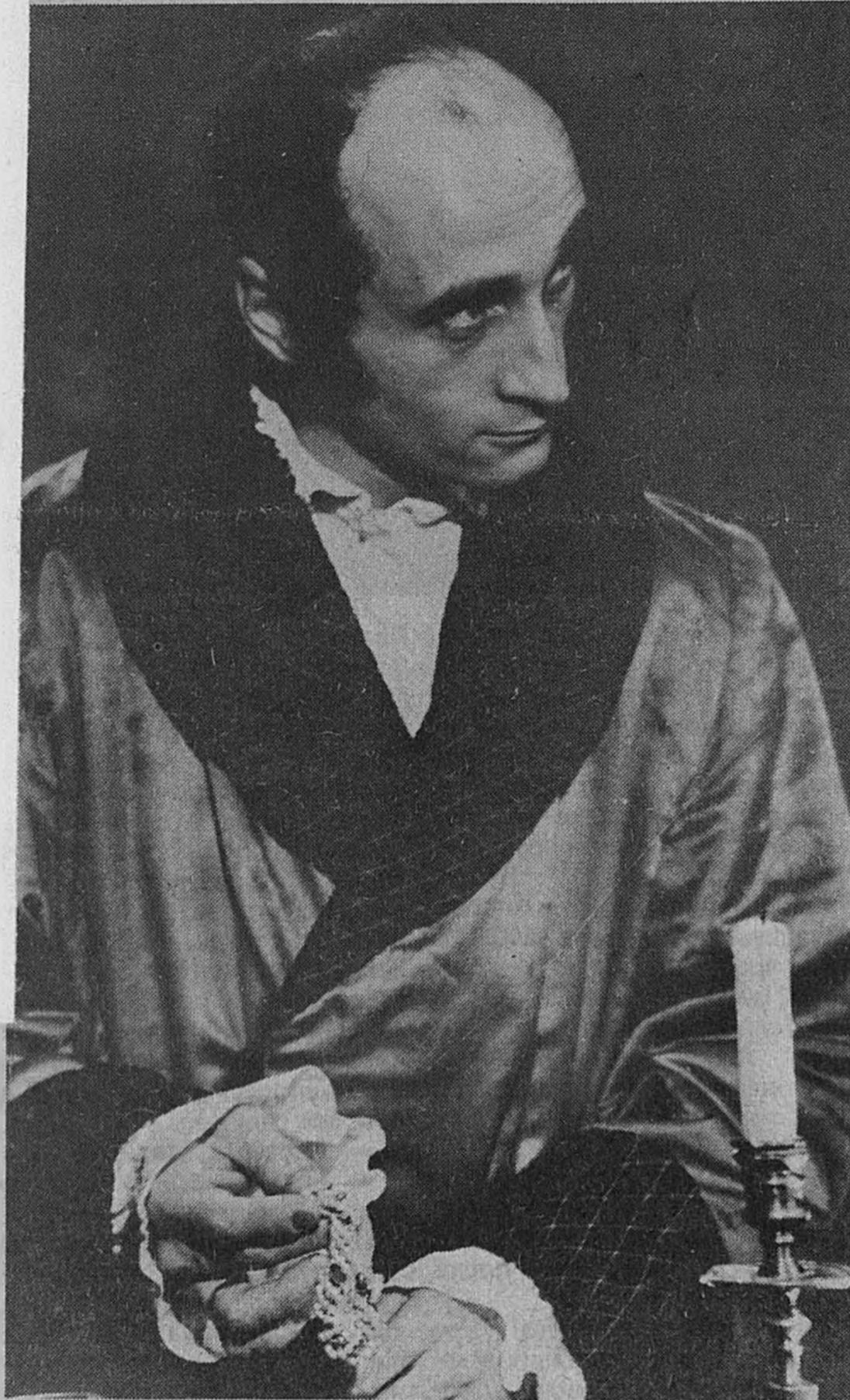

Герой

крупным планом

ТАНЦОВЩИК Ленинградского академического Малого театра оперы и балета Гали Абайдулов раньше никогда не выступал на московской сцене, но московским любителям балета он был хорошо знаком. Его запомнили еще по телевизионному фильму «Старое танго», в котором Абайдулов с поразительной пластичностью и артистизмом исполнил небольшую роль забавного Воришки. Потом была «Анюта» по чеховскому рассказу, где партия мужа героини, Модеста Алексеевича, создавалась Владимиром Васильевым уже специально в расчете на индивидуальность Абайдулова. За исполнение этой роли вместе с другими участниками и авторами телебалета танцовщику была присуждена Государственная премия РСФСР. А потом Абайдулов выступил в партии Модеста Алексеевича в Италии, на сцене Неаполитанского театра

«Сан Карло», где Владимир Васильев поставил новую, сценическую редакцию «Анюты».

Премьерные спектакли «Анюты» в Большом театре замечательно танцевал Михаил Цивин, предложивший свою трактовку образа Модеста Алексеевича, усилив характерность, комедийность окраски персонажа, придав ему более бытовое, жанровое звучание. В нынешнем сезоне для участия в балете, где танцуют сама Екатерина Максимова, Владимир Васильев и Михаил Лавровский, из Ленинграда был приглашен Гали Абайдулов. Московская публика, несмотря на доброжелательность, все-таки достаточно строга и взыскательна к ленинградским танцовщикам. Зато и успех, по праву завоеванный Абайдуловым, особенно значителен. Свидетельство тому — гром оваций, заглушивший звучание оркестра в сольных сценах Модеста

Алексеевича. В сценической версии «Анюты» артист сумел найти множество новых штрихов и оттенков.

Характер, раскрытый в «Анюте» Абайдуловым, вышел за рамки сюжета чеховского рассказа.

В первой сцене департамента Модест Алексеевич демонстрирует фанатичное служение Его сиятельству. В том почти безумном упорении, с каким герой Абайдулова марширует, раздаёт чиновникам папки с «делами» и считает на счетах, сразу видится вся бессмысленность и нелепость этого канцелярского аппарата. На какое-то время его герой кажется заведенным автоматом, настолько механически резки и неодушевленны все его движения. А в сцене фантазмагорического сна Модеста Алексеевича возникает ассоциация с марионеткой, которая, повиная невидимым ниточкам, с заученной настойчивостью тянет руки к вождьленному ордену, выросшему вдруг до невероятных размеров.

И над женой вначале чувствует непререкаемую власть. Но, видя ошеломляющий успех красавицы Анюты, Модест Алексеевич тушует, делаясь каким-то испуганным, маленьким, жалким.

А утром после бала он уже склоняется перед Анютой так же униженно и заискивающе, как и перед Его сиятельством. Кульминация развития роли — сцена получения долгожданного ордена. Безмерная радость здесь выдает только внутреннюю ничтожность: ноги перестают слушаться героя Абайдулова — они разъезжаются в разные стороны, как-то немисливо выворачиваются и сгибаются, а беспорядочно взмахивающие руки будто очерчивают в воздухе размеры приснившегося ордена.

Человеческий облик Модеста Алексеевича тут словно трансформируется, приближаясь к повадкам насекомого — то резво скачущего кузнечика, то бездумно порхающего мотылька. Насладившись собственным величием в департаменте, презрительно отставив мизинчик для приветствия чиновников, горделиво перешагнув через подобострастно упавшие перед ним тела подчиненных, Модест Алексеевич застывает, как на парадном портрете, вскинув голову и выставив вперед грудь с висящим на ней орденом Анны III степени.

Портрет героя, созданный Абайдуловым, органично вошел в спектакль, в котором сложно взаимодействуют человеческие характеры со своими надеждами, разочарованиями, болью, низменными и высокими мечтами.

Е. БЕЛОВА.
Фото Е. ФЕТИСОВОЙ.